

Ф. И. Успенского», — пишет Юзбашян на стр. 21); после него упоминается Ф. Шаландон, затем — Г. Острогорский. Далее наш автор правильно критикует ошибочную концепцию «демократической монархии», отстаивавшуюся М. В. Левченко, вслед за которым он подвергает критике воззрения Дж. Линдсея; от Линдсея он переходит к характеристике взглядов, проводимых в учебнике по истории средних веков (стр. 24—25) и т. д.

Во всей работе совершенно не использованы специальные труды болгарских историков, относящиеся к рассматриваемой Юзбашяном проблематике (например, труды Б. Примова). Кроме того, в некоторых случаях Юзбашян недостаточно точно излагает взгляды упомянутых им историков. Так, говоря о взглядах Ф. И. Успенского по вопросу о причинах поражения Византии в 1204 г., автор пишет, что поражение империи Успенский «никак не связывает с напряженной классовой и политической борьбой, происходившей в это время в Византии» (стр. 8). Между тем, как было уже отмечено в начале этой рецензии, Ф. И. Успенский, характеризуя условия того времени, находит у Никиты Хониата «указания на социальные причины, породившие полный разрыв между состоятельными классами и простым народом»¹⁹.

В заключение считаем необходимым указать на недостаточно тщательную редакцию рецензируемой работы. Отсутствие внимания со стороны редакторов (Г. Х. Саркисяна и Э. А. Пивазяна) является причиной многих неудачных формулировок, встречающихся иногда разночтений, неувязок, опечаток.

М. А. Заборов

* *
*

В литературе не один раз делались попытки объяснить взятие Константинополя в 1204 г. Авторы, объяснение которых стало традиционным, искали причины этого события в сплетении обстоятельств политической истории и в явлениях международного порядка. Монография К. Н. Юзбашяна является попыткой рассмотреть эту проблему в ином плане и в первую очередь с точки зрения социальной истории Византии. Такая постановка проблемы и методы ее решения должны, несомненно, привлечь внимание к данной работе.

Уже с первых строк становится ясно, что причину падения Константинополя автор ищет в первую очередь во внутреннем кризисе страны, в котором, по его мнению, основную роль сыграло резкое обострение классовых противоречий в двадцатилетие, предшествовавшее Четвертому крестовому походу. И следует признать, что в целом автору удалось достаточно убедительно подтвердить эту мысль.

Наиболее интересна в книге ее первая глава, посвященная событиям, последовавшим за смертью Мануила Комнина. Она начинается с выяснения характера и исторического значения противоречивого царствования Андроника Комнина. На исследование этого сложного вопроса было потрачено немало усилий, в результате которых в нашей литературе утвердилось мнение об Андронике, как о реформаторе, пытавшемся частичными уступками предотвратить взрыв народного недовольства¹. Автор не

¹⁹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи. т. III, стр. 385.

¹ М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 215—219. К сожалению, эта правильная мысль тонет в работе М. В. Левченко в неправомερных рассуждениях о «демократичности» Андроника, и это справедливо отметил автор рецензии.

отвергает этой оценки, а, напротив, вносит в нее некоторые существенные уточнения. Он приходит к выводу, что и попытки реформ, проводившихся Андроником, и их крах свидетельствуют только об одном — о неуклонном нарастании классовых противоречий. К. Н. Юзбашяну удалось доказать эту мысль рядом убедительных примеров не только из эпохи правления Андроника, но и из политической истории этих лет. Например, отложение Кипра в 1184 г. обычно рассматривалось лишь как проявление феодального сепаратизма²; К. Н. Юзбашян, ссылаясь на сообщение современника о том, что Иоанн Комнин, захватив остров, «лишил жизни богатых»³, т. е. поступил так же, как и Андроник, обоснованно предлагает расценивать этот факт в свете ожесточенной борьбы имущих и неимущих классов (стр. 30). Естественным и чрезвычайно удачным завершением его построений является перечень всплесков классовой борьбы, имевших место в 1185—1199 гг. (стр. 38—48).

Данные об этих движениях в таком систематизированном виде в советской историографии используются впервые, и это надо отметить как безусловную заслугу автора.

Во второй главе работы наиболее интересным является вывод о том, что бездействие Алексея III Ангела перед лицом крестоносцев, облегчившее взятие Константинополя, вызывалось накаленной обстановкой в столице и страхом перед народными массами (стр. 58). Попытка автора доказать, что изменение в направлении Четвертого крестового похода было вызвано не одним каким-либо обстоятельством, а всей совокупностью отношений между Византией и Западом, не имеет непосредственного касательства к основной теме исследования и не является новой: эта задача решена ранее, в частности, в недавно вышедшей работе М. А. Заборова⁴.

Из всех только что перечисленных вопросов, рассматриваемых в работе Юзбашяна, мы остановимся с большей подробностью только на одном — на данной автором детальной характеристике правления Андроника.

В ней, несомненно, есть очень удачные места. Так, Юзбашян доказал, что Андроник активно подстрекал население столицы к погромам латинян (стр. 19); он высказал правильную догадку о том, что борьба с феодальным сепаратизмом не соответствовала реальным возможностям реформатора и не входила в его планы (добавим лишь: «в первоначальные планы») (стр. 31). И следует признать безусловно правильным его тезис, что Андроника никак нельзя назвать «представителем народных интересов» (стр. 35).

Однако, при всем этом, нам кажется, что высказывания автора по поводу деятельности Андроника Комнина отличаются стремлением преуменьшить размах его мероприятий и явно недостаточно показывают связь его реформ с социальными отношениями эпохи. Автор настойчиво пытается внушить читателю мысль, что все мероприятия Андроника были не более как рядом уступок, сделанных исключительно из страха перед народными движениями, и что вызваны они были в первую очередь заботой о личном положении узурпатора. В связи с этим, автор неоднократно именуется деятельность императора демагогией (стр. 30, 33, 34), сводя к этой демагогии,

руемой работы; см. также: «История средних веков». Госполитиздат, т. I, 1952, стр. 569—570 (глава написана Э. В. Удальцовой) и М. М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII в. «УЗ Великолукского пединститута», 1954, стр. 32—49.

² М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 218.

³ См.: C. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. II, p. 3.

⁴ М. А. Заборов. Крестовые походы. М., 1956, стр. 179—206, хотя М. А. Заборов, как нам уже приходилось отмечать (см. «Преподавание истории в школе», № 2, 1959, стр. 118), преувеличивает роль папства.

и только к ней, все его реформы (стр. 36). Неудача же этих реформ и самое падение Андроника, по мнению Юзбашяна, определяются именно тем, что лживая сущность мероприятий была распознана народом (там же).

Но автор как бы забывает, что большинство реформ Андроника было проведено в интересах провинциального, а не столичного населения. К. Н. Юзбашян молчаливо проходит мимо свидетельства Никиты Хониата о том, что для провинции реформы Андроника действительно имели важное значение и демагогией их назвать никак нельзя. И еще одно обстоятельство: если реформы императора были не более как демагогической подачкой народным массам, то из-за чего же Андроник вступил в конфликт с окружавшей его и поддерживавшей его группировкой крупной знати? И почему эта борьба приняла столь острые формы? Неужели же только из-за диктаторских наклонностей Андроника? По существу именно к положительному ответу на последний вопрос подводит все изложение К. Н. Юзбашяна. Правда, подводя итоги и, видимо, не желая оставить Андроника совсем без социальной опоры, он заявляет, что политика реформатора «в целом соответствовала интересам крупной столичной бюрократии» (стр. 35). Однако этот вывод плохо согласуется с высказанным ранее автором отчетливым стремлением подчеркнуть, что именно личные интересы Андроника были движущим фактором событий. Автор считает, что именно Андроник спровоцировал восстание против латинян (стр. 19), что им всегда руководило стремление к «безраздельному господству, склонность к тирании» (стр. 30), что ему так и не удалось консолидировать вокруг себя сколько-нибудь значительную классовую группировку (стр. 31). Естественно, при такой трактовке мы оказываемся лишенными возможности дать событиям какое-либо объяснение, кроме психологического⁵, но это, понятно, не решает вопроса. Неясно, почему автократор, обладающий всеми атрибутами неограниченной власти, носитель славного имени⁶, единственный представитель династии, а, следовательно, и неоспоримый наследник престола вынужден был прибегать к совершенно экстраординарным мерам, лишь бы только сохранить свою власть. Совершенно ясно, что у Андроника со знатью возникли чрезвычайно серьезные разногласия, а вызвать эти разногласия с крупной чиновной и провинциальной знатью можно было, только реально выступив в защиту каких-то определенных социальных сил. Но каких? Найти ответ на этот вопрос можно, лишь проанализировав отношения, сложившиеся между государственной властью и социальными группами в период XI—XII вв.

В нашей литературе утвердилось мнение о двух формах развития феодальных отношений в Византии, — одной, связанной с системой централизованной эксплуатации непосредственного производителя⁷, и другой, основанной на распространении крупного землевладения западно-европейского типа⁸. Каждая из этих двух форм была связана с политическим господством той или иной определенной прослойки господствующего класса, пер-

⁵ Любопытно, что такое же объяснение дает событиям и М. Я. Сюзюмов («Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 г.». ВВ, т. XII, 1957, стр. 65).

⁶ К. Н. Юзбашян сам приводит примеры того, как часто самозванцы, руководители народных восстаний, принимали имя Комнинов.

⁷ А. П. К а ж д а н. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. ВВ, т. X, стр. 49.

⁸ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. «УЗ Свердловского пединститута», 1948, стр. 61—69; История средних веков, т. I, 1952, стр. 218—219, 562—563 (главы написаны З. В. Удальцовой).

вая — со столичной бюрократией, блокировавшейся с константинопольской торгово-промышленной верхушкой, вторая — с провинциальными земельными магнатами типа Дук, Ангелов, Фок, Склиров и, конечно, Комнинов. Борьба между этими двумя прослойками имела существенное значение для конкретного хода развития византийского феодализма.

Приход к власти Комнинов обычно расценивается как победа феодальных провинциальных элементов, знаменующая постепенный распад централизованной системы управления. «С 1081 г., — пишет, например, М. Я. Сюзюмов, — победа перешла в руки провинциальной военной землевладельческой знати, и развитие Византии... пошло по пути, аналогичному каролингской монархии»⁹. В подтверждение этого обычно ссылаются на то, что с конца XI и в XII в. действительно имело место заметное усиление крупного землевладения за счет проний и экскуссионных пожалований. И тем не менее, на наш взгляд, нельзя говорить, что Византийское государство вступило на путь развития, аналогичный западноевропейскому, на путь ослабления централизации. Конкретно-исторические условия эпохи (в частности, нависшая над страной угроза извне) дала возможность той группировке, которая пришла к власти в лице Комнинов, временно примирить интересы обеих враждующих сил, интересы чиновной и городской знати, со стремлениями провинциальных магнатов. И эти же условия обусловили сохранение централизованной системы управления и эксплуатации и всего связанного с нею аппарата. Так произошла временная консолидация двух группировок господствующего класса, достигнутая, как это обычно и бывает, на основе взаимных уступок. Показателем уступок, на которые пошла столичная бюрократия, была усиленная раздача иммунитетных привилегий в виде экскуссий, а уступкой, на которую вынуждена была согласиться земельная аристократия, было непременно утверждение всех их земельных приобретений и особенно зависимых крестьян со стороны центральной власти.

Но сейчас для нас важно остановиться на другом, а именно на том, что в этот период существовали и обострялись также другие противоречия в среде господствующего класса, в частности, противоречия между только что охарактеризованным блоком сил, который можно условно назвать «комниновским» и прослойкой мелких и средних вотчинников. Эта последняя прослойка должна была быть значительна в Византии XI—XII вв. уже потому, что в ее состав широко вливались стратиоты, превращавшиеся в землевладельцев рыцарского типа, о чем убедительно свидетельствует обильный актовый материал от этого периода¹⁰. Нет оснований сомневаться в многочисленности и хозяйственной активности этого слоя, а между тем его положение во многих отношениях было ущемленным. Не входя в состав правящей группировки, мелкие и средние вотчинники были лишены тех юридических и фискальных привилегий, которыми обладало крупное землевладение. Они были лишены как простых налоговых изъятий, так и экскуссионных привилегий, способных дать им в руки мощное средство воздействия на крестьян. В связи с этим они постоянно чувствовали на себе действие императорских распоряжений, даже в конце XII в. требовавших строгой проверки числа имевшихся у этих вотчинни-

⁹ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии. ВВ, т. VIII, 1956, стр. 39; его же. Некоторые проблемы истории Византии. ВИ, № 3, 1959, стр. 115.

¹⁰ ММ, IV, р. 319.8; см. о стратиотах, владеющих париками в: Lavra, № 57. 96—99; ср. также: А. П. К а ж д а н. Византийская армия в IX—X вв. «УЗ Великолукского пединститута», 1954, стр. 21, 29—31.

ков париков¹¹. Понятно, что все это не могло не породить серьезных противоречий между правящей группировкой господствующего класса в Византии и его мелко-вотчинной прослойкой.

Необходимо кроме того принять еще одно обстоятельство. Мелкая вотчина уже в силу одного только отсутствия средств политического принуждения¹² должна была формироваться в значительной мере за счет денежных приобретений. Уже это связывало ее с местным рынком и провинциальными торговыми элементами. В этом и состоит одна из причин близости мелко-вотчинной оппозиции к торгово-ремесленным слоям в провинции¹³, которые были недовольны засильем Константинополя в византийской торговле¹⁴. Все это дает основания говорить о постепенном создании в Византии XI—XII вв. провинциальной оппозиции в составе мелких вотчинников и торгово-ремесленных слоев города¹⁵.

Какой остроты достигли противоречия между правящей группировкой и оппозицией, — эта проблема еще нуждается в дальнейшей разработке. Но едва ли можно отрицать, что именно эти противоречия имели самое непосредственное отношение к деятельности Андроника. На наш взгляд, его реформы явились ярким отражением интересов прослоек, входивших в состав провинциальной оппозиции. Об этом свидетельствует указ Андроника, разрешивший свободное отчуждение земли¹⁶. Об этом говорит бурный рост благосостояния провинциального населения («увеличилось население многих областей»¹⁷ «многие города разбогатели за короткий срок»¹⁸, «стали дешевле жизненные припасы»¹⁹).

Наконец, это же доказывает острый конфликт императора с правящей группировкой в столице и провинции, который так часто рассматривался лишь как проявление тиранических наклонностей Андроника Комнина.

Все это не позволяет нам согласиться с мнением К. Н. Юзбашяна, увидевшего в крупной столичной бюрократии социальную опору Андроника.

Это несогласие точно не означает, что мы отрицаем ценность данной работы в целом. Не означают этого и другие высказанные выше частные замечания. Монография К. Н. Юзбашяна, построенная на интересном материале и по-новому решающая ряд проблем, представляет безусловный вклад в изучение вопросов классовой борьбы в Византии.

М. М. Фрейденберг.

¹¹ ММ, IV, р. 318—320. См. М. М. Фрейденберг. Эссе о Византии в XI—XII вв. «УЗ Великолукского пединститута», 1958, стр. 363 сл.

¹² Говоря об отсутствии возможностей для политического принуждения, мы, естественно, отвлекаемся от тех случаев, когда мелкий вотчинник являлся чиновником или офицером и использовал в личных целях свое положение в государственном аппарате.

¹³ В своей статье о политике Андроника М. Я. Сюзюмов упоминает об отмене последним новеллы Мануила 1143/1158 г., запрещающей передавать земли, пожалованные императором лицам, не принадлежащим к сенатскому или военному сословию. М. Я. Сюзюмов усматривает в этом лишь отказ от утвердившейся при Мануиле системы проний (М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина..., стр. 64—65). По моему же мнению, этот акт является прямым разрешением скупать землю зажиточным горожанам и мелким землевладельцам. О том же самом свидетельствует и Никита Хониата (Nic. Chon., Hist., р. 273), говоря о стремлении ремесленников и купцов перейти в разряд землевладельцев. Это свидетельство и приводит М. Я. Сюзюмов (ук. соч., стр. 67), но толкует его, на наш взгляд, слишком ограниченно.

¹⁴ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии, стр. 40.

¹⁵ Сказанное выше, естественно, означает пересмотр того мнения, которое я высказал в своей статье об Андронике («К истории классовой борьбы в Византии в XII в.». «УЗ Великолукского пединститута», 1954, стр. 36) и которое сводилось к тому, что классовой опорой Андроника объявлялся весь господствующий класс страны.

¹⁶ Там же, стр. 35.

¹⁷ Nic. Chon., Historia, р. 421. 18.

¹⁸ Ibid., р. 429. 13.

¹⁹ Ibid., р. 429. 11.